

МАЛАЙСКАЯ КРОВЬ

**Антология малайского
и индонезийского рассказа**

**Составление, перевод с малайского
и индонезийского и предисловие
Виктора Погадаева**

**В дизайне обложки использована
картина «Крестьянская семья»
индонезийского художника Харди**

УДК 821.621.25-32

ББК 84(5Маз)-44+84(5Инз)-44

М18

М18 Малайская кровь : антология малайского и индонезийского рассказа / [пер. с малайс. и индонез., сост. и предисл. В. А. Погадаева]. — Москва: Ключ-С, 2011. — 60 с.
ISBN 978-5-93136-150-5

В антологию «Малайская кровь» вошли лучшие образцы современного рассказа Малайзии и Индонезии. Антология помогает понять, чем живут, какими проблемами обеспокоены литераторы этих стран.

Перевод с малайского и индонезийского,
составление и предисловие
В.А. Погадаева

В дизайне обложки использована картина
«Крестьянская семья» индонезийского художника Харди

УДК 821.621.25-32

ББК 84(5Маз)-44+84(5Инз)-44

ISBN 978-5-93136-150-5

© Погадаев В.А., составление,
перевод на русский язык,
вступительная статья, 2011
© Оформление. ИД «Ключ-С», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Малайская проза сравнительно молода. Первый роман появился в 1925 г. Это была «Повесть о Фариде Ханум» Саида Шейха Ахмада ал-Хади (1867 — 1934). Но не жанром романа и повести сильна литература Малайзии, а новеллой, которая на местном языке получила название «черпен» (короткий рассказ). Черпены пишут почти все литераторы: и поэты и писатели. Жанр настолько популярен, что в конкурсах принимают участие даже школьники, а правительство в своем стремлении поощрять творческие искания молодежи не жалест средств на многочисленные премии.

Один из признанных современных мастеров черпена Анвар Ридван еще в студенческую пору стал победителем различных конкурсов, в том числе Премии за лучшее литературное произведение — высшей национальной премии, которая присуждается с начала 1970-х гг. (сейчас называется Главная литературная премия), а потом, превратившись в маститого писателя, завоевал ряд престижных наград, в том числе литературную премию Юго-Восточной Азии и международную премию АСЕАН «Мастера». Его повесть «Были и небыли островов Огонсото» опубликована в 2006 году в Петербурге. В 2009 г. он получил звание Национального писателя — высшее звание, которое присваивается литераторам Малайзии. Часть его рассказов, в том числе представленный в сборнике, написаны в стиле «потока сознания», когда временные границы повествования размыты и действие плавно перетскает из одной эпохи в другую.

Если Анвар Ридван — представитель столичной писательской братии, то его собрат по перу Рахман Хаджи Юсуф живет далеко от Куала-Лумпура — в восточном штате Паханг. Его произведениям чужда мода, и он обращается в них к близким его сердцу темам повседневной жизни малайзийской глубинки. Моя дочь Полина как-то сказала мне, что каждый раз, когда она читает рассказ «Рыжуха», у неё на глаза наворачиваются слёзы.

Писатель Ирван Абу Бакар — профессор столичного Университета Малайя, основатель виртуального содружества литерато-

ров Малайзии eSastera, пишет как стихи, так и прозу, которые порой пронизаны юмором и сатирой. Его рассказ «Малайская кровь», давший название сборнику, представляет «малайскую исключительность» в несколько необычном ракурсе.

Абдул Рахман Че Мат, больше известный под именем А. Рахман Ч. М., — тоже из числа провинциальных самородков. По основной профессии он учитель, но очень успешно совмещает учительство с литературной деятельностью. Рассказы его, затрагивающие самые острые проблемы страны, волнуют читателя. Его рассказ «Жертва» — смелое описание попытки протеста малайца-мусульманина против закостенелых законов шариата.

Соотношение традиции и современности — тема рассказа Рахимицина Захари «Шаман Пак Да Мегаг». Рассказ пронизан грустью по поводу исчезающих традиций малайской культуры, особенно теневого кукольного театра «ваянг»¹. И хотя можно по-разному относиться к описанному автором эпизоду (шаман вынужден обратиться за лечением в больницу), всё-таки действительно печально — с уходом человека уходит и традиция. Надо сказать, что эта же тема полнимается им в одноактной пьесе «Шёнут ребаба», которая с успехом была показана в апреле 2011 года на малой сцене престижного «Дворца культуры» в Куала-Лумпуре, столице Малайзии.

Индонезийская новелла не менее популярна, чем малайзийская. В произведениях представленного здесь индонезийского новеллиста Данарто сильны мистические и философские мотивы, навеянные яванским эпосом. Своим рассказом «Между небом и землёй» автор как бы хочет показать, что ангелы скрываются среди нас. Принимая человеческий облик, они помогают нам, оберегают нас и вступают к свету. Это Посланники от Бога.

¹ Ваянг или ваянг кулит — традиционный кукольно-теневого театр. Принесён с Явы. Куклы плоские, вырезанные из особо препарированной кожи буйвола, примечательны тонкой ажурной резьбой и многоцветной росписью. Под влиянием ислама куклы приобрели крайне стилизованную форму. Основные элементы сценического оборудования — экран из белого полотна и засканные светильники. Представления смотрят с обеих сторон экрана: одни видят кукол, другие — темные силуэты, проступающие сквозь белую ткань.

Рассказ вызвал оживлённую дискуссию в дискуссионном клубе виртуального литературного журнала «Переплёт».

Читатель по имени Илья, например, пишет: «Это произведение произвело на меня очень приятное впечатление. Первые строки рассказа заставили меня забыть обо всех моих проблемах. Я читал не отрываясь. Читал на одном дыхании. Моё мнение таково: произведение заслуживает 5 баллов из 5. Это волшебный рассказ».

Читательница Лора увидела в рассказе глубокую грусть: «Надо думать, что вслед за мамой, на небеса ушла и девочка, ушла от тоски по маме (если это не сон). Такое случается. Грусть и печаль — вот, что осталось в душе. Эти состояния бывают разных цветов (до черного), а тут светлая грусть и светлая печаль, но как бы то ни было — ком в горле и ощущение того, что должно случиться — случится. Жизнь и смерть всегда рядом, а так хотелось, чтобы мама для ребенка осталась живой, но... И оставшись одна, девочка спокойно пошла за дядей-ангелом на небеса, чтобы быть рядом с мамой. Любимый ребенок — это всегда радость и тревога. Приятного мало, когда переживаешь чувства ребенка, потерявшего мать. Приятно то, что написано это человеком души. Это чувствуется. Убеждаешься — есть еще на земле ЛЮДИ, способные творить сердцем. Очень наглядно показано значение мамы в сознании деточек. Спасибо автору».

Читатель Ашот благодарит Илью за «наводку» и пишет: «Прелестный рассказ. Всю дорогу мурашки по телу бегали». Это мнение разделяют В. Эйсер («Прекрасная сказка для детей и взрослых») и Александр Волкович («Сказка прекрасная, слов нет»).

Хотя антология небольшая, она помогает нам понять, чем живут, какими проблемами обеспокоены литераторы Малайзии и Индонезии. И я надеюсь, что её публикация — это небольшой мостик к взаимопониманию, диалогу разных культур и цивилизаций.

Виктор Погадаев

PRAKATA

Prosa Melayu secara relatif masih muda. Novel pertama diterbitkan pada tahun 1925. Novel itu berjudul *Hikayat Faridah Hanum* yang diciptakan oleh Sayyid Shaykh Ahmad al-Hadi (1867 — 1934). Namun, kelebihan sastera Malaysia terletak bukan pada *genre* novel tetapi *genre short story* yang disebut dalam bahasa Melayu sebagai cerita pendek (cerpen). Hampir semua sasterawan, sama ada penulis atau penyair menulis cerpen. *Genre* ini begitu popular sehinggakan dalam sayembara menulis cerpen, murid sekolah pun akan ikut serta. Pihak kerajaan dalam usaha menggalakkan kelahiran bakat muda, telah membelanjakan banyak wang untuk memberi pelbagai hadiah dan anugerah.

Salah seorang *maitre* moden *genre* cerpen, Anwar Ridhwan masih mahasiswa apabila menjadi pemenang Hadiah Karya Sastera, iaitu hadiah tertinggi bertaraf nasional sejak awal tahun 1970-an (kini disebut sebagai Hadiah Sastera Perdana). Beliau juga telah memenangi pelbagai sayembara, dan kemudian apabila menjadi penulis prolific memenangi beberapa anugerah berprestij termasuk Hadiah Sastera Asia Tenggara (SEA Write Award) dan Hadiah Sastera Majlis Sastera Asia Tenggara (Mastera). Novelnya *Naratif Ogonshoto* telah diterjemahkan ke dalam bahasa Rusia dan diterbitkan pada tahun 2006 di St.-Petersburg. Pada tahun 2009 beliau memperoleh gelaran Sasterawan Negara (National Laureate) yaitu gelaran tertinggi yang diberikan oleh kerajaan Malaysia kepada seseorang penulis kreatif. Beberapa cerpennya termasuk sebuah yang dimuat dalam antologi ini ditulis dalam gaya “aliran minda” apabila batas waktu penceritaannya adalah kabur dan peristiwa yang dikisahkan mengalir secara perlahan dari satu zaman ke zaman lain.

Jikalau Anwar Ridhwan adalah wakil komuniti penulis ibu negara, maka rakan sepenanya Rahman Haji Yusoff tinggal jauh dari Kuala Lumpur iaitu di negeri Pahang yang terletak di pantai Timur. Karyanya mungkin tidak begitu sofistikated: dia membangkitkan tema kehidupan sehari-hari kawasan pedalaman Malaysia yang sangat penting baginya. Anak perempuan saya Polina pernah mengaku bahawa dia menitikkan air mata setiap kali dia membaca cerpen *Merah*.

Penulis Irwan Abu Bakar adalah Profesor di Universiti Malaya yang terletak di ibu negara, seorang pengasas komuniti sasterawan maya Malaysia eSastera. Dia menulis sama ada puisi, atau pun prosa yang tidak asing daripada nada humor. Cerpennya *Darah Melayu* yang memberi judul kepada antologi ini memperkenalkan “keperibadian Melayu” dari kacamata yang agak luar biasa.

Abdul Rahman Che Mat yang lebih terkenal dengan nama A. Rahman C.M. juga daripada golongan berbakat semula jadi. Menurut profesornya ia adalah seorang guru yang dengan berjaya berkecimpung ke dalam bidang sastera juga. Cerpennya yang menyentuh masalah yang paling menonjol dalam kehidupan sosial selalu menarik perhatian para pembaca. Cerpennya *Korban* adalah penggambaran berani daripada percubaan protes seorang Melayu melawan “undang-undang lapuk yang tidak sesuai dengan negeri ini”.

Interaksi tradisi dan kekinian adalah tema cerpen Rahimudin Zahari *Pak Da Megat Wan Setapa Mek Mah Tuk Bagih*. Cerpen itu diresapi dengan kesedihan berikutan kehilangan tradisi budaya Melayu, terutama wayang kulit. Dan meskipun kita boleh bersikap secara berlainan terhadap peristiwa yang dikisahkan oleh pengarang (seorang bomoh terpaksa meminta rawatan di hospital), pada dasarnya segala itu adalah sangat menyedihkan: dengan pemergian orangnya, maka hilanglah juga tradisi warisan. Perlu dicatatkan bahawa tema yang sama dibangkitkannya dalam teater *Rebab Berbisik* yang dengan jayanya dipertunjukkan pada 8-11 April 2011 di Lambang Sari, Istana Budaya yang berprestij itu di Kuala Lumpur, ibu negara Malaysia.

Cerpen Indonesia tidak kalah popularitinya kepada cerpen Melayu.

Dalam karya penulis Indonesia, Danarto yang satu daripadanya termuat dalam antologi terasa kuat motif mistik dan filsafah yang berdasarkan pada epos Jawa. Melalui cerpennya *Di Atas Bumi di Atas Langit* pengarang seakan-akan hendak menunjukkan bahawa malaikat tersembunyi di antara kita. Dengan mendapat jelmaan manusia mereka menolong kita, menyelamatkan kita dan membimbing dari gelap kepada terang. Mereka itu utusan Tuhan.

Cerpen itu menimbulkan diskusi rancak di kelab diskusi majalah sastera maya Rusia “Pereplet”.

Seorang pembaca namanya Ilya, misalnya menulis: “Karya itu memberi kesan besar terhadap saya. Baris-baris pertama cerpen

membuat saya melupakan semua masalah yang saya hadapi. Saya membaca tanpa berhenti seakan-akan pada satu pernafasan. Pendapat saya: karya itu berbaloi mendapat lima markah daripada lima. Cerpen itu ajaib". Pembaca perempuan Lora melihat dalam cerpen itu kesedihan abadi: "Boleh mengerti kalau seorang anak mengikuti ibunya ke langit, mengikuti kerana rindu akan ibu (jikalau itu bukan mimpi). Hal semacam itu boleh terjadi. Kesedihan dan kerinduan — itu sahaja yang tinggal di hati. Keadaan semacam itu ada pelbagai warna (hingga warna hitam) tetapi di sini kesedihan ialah cerah. Bagaimanapun — tekak tersumbat dan perasaan: apa yang harus terjadi memang terjadi. Kehidupan dan maut selalu dekat satu sama lain, maka kita hendak supaya ibu selalu hidup bagi anak, tetapi... Dan apabila tertinggal seorang diri maka anak perempuan dengan tenang mengikuti malaikat ke angkasa supaya selalu berada dekat dengan ibu. Sebarang anak — itu selalu kegembiraan dan kekhuatiran. Tidak sedap apabila merasa apa yang dirasakan oleh anak yang kehilangan ibu. Tetapi merasa sedap bahawa cerita itu ditulis oleh seorang yang mulia hatinya. Hal itu terasa dan keyakinan wujud bahawa masih ada di dunia itu ORANG yang mampu mencipta dengan hati. Terima kasih kepada pengarang." Pembaca Ashot menyatakan terima kasih kepada Ilya kerana merujuk kepada cerpen dan menulis: "Cerpen yang luar biasa baiknya. Selama proses membaca saya terasa pilu". Pendapat itu dikongsi oleh V. Eisner ("Cerita indah untuk para kanak-kanak dan dewasa") serta Alexander Volkovich ("Cerita itu pasti indah").

Meskipun bunga rampai ini agak kecil, tetapi ia tetap membantu kita untuk mengerti apa yang merunsingkan para sasterawan Malaysia dan Indonesia, ke manakah hala tujunya? Harapan saya penerbitan ini akan menjadi titian untuk perscfahaman, serta penerusan dialog antara budaya dan peradaban berlainan.

Dr. Victor Pogadaev

МАЛАЙЗИЯ

Анвар Ридван

Анвар Ридван (Anwar Ridhwan) (р. 1949) — один из заметных современных писателей Малайзии. Окончил университет «Малайя», в 1986 обучался в рамках Международной писательской программы в университете Айова (США). Автор многочисленных повестей и рассказов. Отдельные произведения переведены на английский, арабский, венгерский, итальянский, китайский немецкий, русский, французский языки. Лауреат четырех национальных премий и Литературной премии ЮВА (2002). Повесть «Были и небыли островов Огонсо» (рус. пер. 2006) отмечена в 2003 премией Мастера, присуждаемой международным жюри АСЕАН. Звание Национальный писатель (2009).

ПОСЛЕ ВОЙНЫ (SESUDAH PERANG)

Масита только что закончила купание у колодца. Она быстро сдернула полотенце, висевшее на бельевом шесте, и стала энергично растираться. Вытирая ноги, она заметила, что заря уже близко. Но в деревне было спокойно и тихо, и она была уверена, что ее обитатели все еще погружены в свои сны. Ветки

деревьев, выстроившихся в ряд возле колодца, чуть дрожали под порывом прохладного утреннего ветра.

Крики петухов и щебетание птиц становились все громче. Масита посмотрела на восток — сквозь ветки нангки и листву саво — и увидела красную полосу неба. Зачерпнув в кувшин воды, чтобы обмыть ноги, она пошла домой. Но остановилась через несколько шагов. В утренней дымке Масита увидела силуэт мужчины, идущего к колодцу.

Сотня шагов от колодца до ее дома — не такое уж большое расстояние. Но за последние двадцать лет оно неизменно внушало ей тревогу, как будто здесь ее поджидало что-то страшное.

С бьющимся сердцем она ждала приближения мужчины. Масита знала только одно средство защиты в случае, если он попытается обидеть ее: крик. Достаточно громкий, чтобы разбудить всю деревню. Крик, за которым помощь должна последовать немедленно.

— Ты кончила, мама?

Масита с облегчением перевела дыхание. Она хорошо расслышала вопрос. Это спрашивал Джали, ее единственный сын. Его вопрос рассеял все ее страхи в это прохладное утро.

— Да, — ответила Масита. (Она сама не понимала, почему так отрывисто отвечала своему единственному сыну в такой хороший утренний час.)

Масита тихо постояла еще немного, пока не услышала плеск воды у колодца. Джали начал обливаться. Тяжело ступая, Масита медленно направилась к дому. Она низко опустила голову, вспоминая некое событие...

— Боже, спаси наши дома и деревню, — так Масита начала свою молитву, когда услышала над головой гул самолетов, летевших на юг.

Масита посмотрела вверх и увидела сквозь утреннюю дымку вереницу самолетов, очень похожих на журавлей. Самолеты направлялись в Сингапур (так говорили ей соседи).

— Если войне суждено длиться и дальше, пусть не коснется она моего мужа, — продолжала свою молитву Масита. — Я замужем всего месяц. Дай мне послужить своему супругу

и вместе с ним создать семью, счастливую и не тронутую во-
снной бедой.

Плеск воды у колодца прекратился. Однако Масита знала, что он повторится — муж ведь еще не встал. Тем временем “журавли” в небе постепенно удалялись, и гул становился все тише. Масита чувствовала, что обсохла почти вся, кроме волос. Когда она вновь направилась к дому, перед ней стоял незнакомый человек.

Масита хотела закричать, но мужчина зажал ей рот. Она не знала, как долго пробыл с ней мужчина, не помнила, когда он внезапно исчез. Она увидела только, что кувшин выпал из ее рук, а вода пролилась и смешалась с росой на траве.

Возле лестницы Масита вымыла ноги. Она тщательно терла их, поливая водой из кувшина.

Убедившись, что отмыла обе ноги от земли и грязи, Масита поставила кувшин возле лестницы. Она повернулась в сторону восходящего солнца. Там, на восточной половине неба, было видно, как предзвездная дымка медленно тает перед набирающим силу солнцем. На востоке деревня уже купалась в солнечном свете.

Масита поднялась по лестнице и сразу направилась в спальню. Будин, ее муж, уже встал и одевался.

— Кто у колодца?

— Джали.

— Полагается мне там быть после тебя, Масита.

— Ладно и так, — тихо сказала Масита. — Сегодня у него особый день.

Будин промолчал. Он долго смотрел на нее. (Странное чувство охватило его, как будто в этот день ему предстояло что-то потерять). Затем очень медленно стал затягивать саронг¹. Он взял полотенце, которым уже вытерлась Масита, и перебро-
сил его через плечо. Медленно подошел к окну и осторожно

¹ *Саронг* — мужская и женская национальная одежда в виде длинной юбки из куска ткани со сплитыми концами. У мусульман непременная принадлежность костюма во время богослужения. Мужчины часто носят саронг поверх брюк. Дрapiруется на теле различными способами в зависимости от чистоты. Многофункционален: может служить одеялом и укрытием от комаров. Им укрываются, отправляя естественные потребности, например, на берегу моря.

распахнул его. Солнечный свет разлился по комнате, прогнав темноту.

Масита слышала, как Суми и Салми готовят завтрак на кухне. Они так оживленно болтали, что Масита едва могла разобрать, о чем их разговор. "Сейчас они уже большие девочки, — подумала она. — Скоро к ним начнут свататься, и они выйдут замуж. Мужья заберут их неизвестно куда. Смогут ли они тогда часто навещать родителей? А если Будин и я заболеем, когда они будут далеко со своими мужьями? Кто присмотрит за нами и позаботится о нас?" — подумала Масита.

Попудрившись тальком и надев трусы и лифчик, Масита вынула из шкафа батиковый саронг с большими красными цветами на черном фоне. Она обернулась в него, тщательно разгладив складки. Затем достала красную кофту — кебау и надела ее. Масита пошла к туалетному столику, села перед ним и начала расчесывать волосы.

— Мас, я хочу сына, — так начал Будин. Эти слова она как будто слышала сейчас. Слова, которые Будин прошептал ей в первую ночь, когда они лежали вместе на супружеском ложе. При этом в голосе Будина Масите послышалась дрожь. Голос такой застенчивый, такой нежный.

— Сына? Почему не дочь, — поддразнила Масита.

Будин в конце концов ответил, хотя и погрёбывалось ему на это много времени.

— Идет война. Но Богу было угодно, чтобы мы встретились с тобой в это время. И мы не знаем, когда кончится война. Если что-то случится с нами сейчас (пусть ангел-хранитель убережет нас от несчастий), сын может позаботиться о семье лучше, чем дочь. А если эта война затянется (не допусти этого, Господи!), скажем, на десять, двадцать или даже на сто лет, он сумеет защитить нашу страну или по крайней мере нашу деревню.

Будин не мог понять, почему он объясняет это так длинно. Он чувствовал потребность ничего не скрывать от Маситы, сказал ей все, что было на душе.

— Не надо, не говори мне о войне. Я боюсь, — голос Маситы был полон нежности. Она спрятала все свои страхи в объятиях Будина. Он крепко прижал ее к себе и испытывал странное,

лихорадочное чувство. Масита была спокойна. В объятиях мужа она чувствовала себя в полной безопасности от войны.

Момент, которого Будин ждал, наконец-то наступил. Это было через три месяца после свадьбы. После того, как Масита увидела “журавлей”, летящих вереницей к южному острову. И после того, как... Но Масита боялась рассказать об этом Будину. Однако она должна была объяснить ему, почему по утрам ее стало тошнить.

— Я жду ребенка, любимый.

— Чго? — воскликнул Будин. Он сбросил полотенце с плеча и подошел к Масите, которая все еще сидела перед своим зеркалом. Солнечный свет яростно бил в окно, согревая комнату. Масита испугалась, что Будин так близко подошел. Она боялась, что выдала свои воспоминания о прошлом. Она была уверена, что и в самом деле так получилось.

— Ты опять ждешь ребенка, Мас?

— Масита некоторое время помолчала. Наконец ответила:

— Ах, пустое. Если бы я чем-нибудь не удивила тебя, ты бы так толком и не проснулся. Иди к колодцу. Уже поздно. Джали, кажется, уже кончил купаться.

Будин громко вздохнул.

— Я люблю, когда ты шутишь, Мас. Это у тебя здорово получается. Вот почему мне никогда не бывает с тобой скучно,— сказал Будин. Он наклонился, потрепал ее по спине и вышел из комнаты.

Масита встала, стряхнула простыню и аккуратно сложила ее. Она положила три подушки к окну, чтобы проветрить их на солнце. Из шкафа достала покрывало, которым застилала постель днем.

Суми и Салми все еще были на кухне. Суми, которая резала огурцы, крикнула Салми, что чайник скипел. Масита слышала крик и громкий ответ Салми. Но скоро голоса затихли. Масита подумала, что это из-за того, что появился Джали. Тишина была резкой, но все равно приятной. Через несколько минут гам возобновился, и на этот раз в нем слышался голос Джали. “Как дружны сестры с братом”, подумала Масита. Любовь, которая порождает веселье. Нежность, которая прорывается в смехе. Масита слышала все из своей комнаты. Слышала

не только то, как галдели на кухне, но и стук собственного сердца.

— Ты любишь его больше, чем нас, — заявила Суми за себя и за сестру.

— Потому что он светлее нас, да? — вступила в разговор Салми.

— Ах, опять вы об этом, — возразил им Будин. — Ну почему вы считаете, что я отношусь к вам хуже? И вы, и Джали — мои дети, которых и я, и мама любим одинаково. Слышите? Одинаково. Как мы можем относиться к вам по-разному?

Масита только покачала головой. Ни Суми, ни Салми не могли ничего возразить против доводов отца. Но Суми всегда заговаривала на эту тему, которая больно задевала Маситу.

— Прости, папа. Мы просто сомневались. Но кожа у Джали действительно не такая, как у нас. Это не цвет спелого сава.

— Хватит, хватит! — укорял их Будин. — Тебе, Суми, надо обязательно всех переспорить. Он — мальчик, и неудивительно, что его кожа может отличаться от вашей. Ты слышишь, ничего удивительного!

После этих слов Будина Суми и Салми замолчали.

И в доме воцарилась тишина.

Масита больше не слышала на кухне никаких звуков. Возможно, троица ломала голову над решением какой-нибудь проблемы.

Волнение снова охватило ее, когда Будин вернулся в комнату после купания. Масита сидела в кресле, погруженная в думы.

Будин откашлялся.

— Помылся?

— Да.

Масита встала и подошла к шкафу. Она открыла дверцу, вынула оттуда трусы, майку, черные брюки и белую рубашку Будина, положила все это на кровать. Закрыв шкаф, она сказала:

— Я достала твою одежду. Приходи завтракать, когда будешь готов. Мы будем ждать тебя за столом.

Будин лишь кивнул. Масита вышла из комнаты, тихо приотворив за собой дверь. Аппетитный запах еды приятно щекотал ноздри.

Масита направлялась на кухню, но в руке у нее почему-то оказался веник. Она стала подметать комнату. До ее слуха доносился разговор между тремя детьми. Но только голос Джали пронзал ее сердце.

Глубокий и звучный голос, который уводил ее мысли к одному необычному происшествию. Это был голос, который однажды произнес нежно, печально и умоляюще:

— Мама, прости меня, но я должен сказать тебе правду.

Масите вновь слышались слова, сказанные тогда юным Джали.

— Говори. Почему ты дрожишь, сынок? Сам Господь Бог устроил так, что матери отвечают за своих детей и должны указывать им правильный путь. Я никогда не отказывалась выслушать тебя, верно же?

— А ты выдержишь правду, которую я скажу? И сможешь мне поправить дело?

— Что такое? Скажи мне, пока не поздно.

— Мама, я... чуть было не насильничал Хатиджу...

— Ты такой же, как... — осыпала упреками сына Масита. Или она так подумала. На самом деле только слезы выступили на глазах, а сама она оставалась безмолвной. Теплые слезы, которые принесли новое чувство боли. Масита вспомнила, как после признания сына она бросилась искать мать Хатиджи. Она отдалась ей на милость, рассказала все, что случилось, и без конца просила о прощении. Это все, что она могла сделать.

К счастью, мать Хатиджи быстро разобралась в ситуации. Правда, вначале она сгоряча набросилась на Маситу с руганью (так случилось, что в доме они были одни), но постепенно успокоилась, ибо осознала необходимость запрячь поглубже в сердце тягостное известие, которое может запятнать честь семьи. Всю историю следовало замять и замолить общими молитвами в надежде, что вскоре все забудется. Только после того, как Масита вдоволь наплакалась, мать Хатиджи согласилась, что неприятный инцидент должен остаться семейной тайной.

Через несколько месяцев после этого случая, когда Джали успокоился, убедившись, что его черная тайна осталась в се-

мье, Масита попыталась прошульть его чувства к Хатидже. Если он едва не надругался над ней, ему следует нести ответ за содеянное. Деревенские дсвушки должны сохранять свою невинность. Мужчина, который тронет ее, должен уважать ее, оберегать ее честь. Сельские обычаи изменились мало. Но каждый раз, когда Масита пыталась заговорить об этом, Джали либо уклонялся от отвста, либо, если его принуждали к признанию, прятал свои чувства, рассказывая ей разные истории.

— Что за история? — однажды спросила его Масита.

— Это из романа, мама. Но почему мне нравятся только романы про любовь, мама?

— Ну, книгами по электронике ты тоже интересуешься, разве не так ? Но неважно. Давай, выкладывай свою историю.

— Это про моряка, мама. Вернес про парня, который хотел стать моряком с детства и который думал только о море. Порт, в котором он жил, процветал и с каждым годом становился все больше. Много кораблей приходило и уходило из него. Однажды он спросил себя: почему я сижу здесь? Что лежит за этой полоской голубого моря? И там, дальше, и еще дальше? Он стал моряком и объездил весь свет.

— Он не женился? — спросила Масита.

— Ну, эта проблема тоже занимала его мысли. Он встречал много красивых девушек в каждом порту. Если бы ты была мужчиной, мама, могла бы ты это себе представить? Сотни красивых девушек в сотнях иностранных портов. Если бы ты была мужчиной, мама, могла бы ты выбрать?

— В конце концов он женился на иностранке? — предположила Масита.

— Ты не угадала, мама!

— Да? Я рада, если так.

— В своем маленьком родном порту он встретил девушку. Она была молода, жизнерадостна и с чистыми, как у кролика, глазами. Наверное, он питал к ней настоящую любовь. Ты знаешь, что случилось потом, мама? Моряк оставил свои путешествия в заморские страны и вернулся в свой родной порт. Кажется, его чувства разделяли.

— Кто?

— Конечно, та девушка. Она затосковала сразу же, как только он уехал. Она часто приходила в порт, надеясь, что моряк вернется домой. День, которого она так ждала, наконец-то наступил. Моряк возвратился домой, чтобы встретить свою любовь. А девушка встретила своего моряка. Они плакали в порту, не скрывая слез, не стесняясь окружавших их людей. В конце концов они поженились...

— Мама, завтрак готов, — позвала Сами из кухни. Масита вновь вернулась к действительности, и веник выпал из ее рук. Через несколько минут Будин вышел из комнаты и посмотрел на Маситу.

— Говорят, завтрак готов, Мас, — сказал он.

— Ты иди, — ответила Масита. — Я забыла кое-что у колодца.

Масита прислонила веник к стене, подошла к двери и, не глядя на Будина, направилась прямо к колодцу. (Ты на самом деле забыла что-то у колодца, Мас? — услышала она вопрос в своем сердце).

Когда Масита шла к колодцу, она слышала, как Суми подшучивала над Джали. Затем она услышала, как Джали хвастался своими достижениями. Семья, сказал он, тоже должна гордиться его успехами.

Масита и Будин давно знали, что Джали очень одаренный. Восторженные отзывы учителей (о которых Будин сообщал Масите) и их настоятельные рекомендации отправить Джали за границу обучаться электронике лишь укрепляли их уверенность в его способностях. “Он совсем не такой, как Суми и Салми”, подумала Масита.

Она вспомнила, как упорно добивался ее муж, чтобы Джали послали за границу. Но стипендия представляла проблему, которую, казалось, было трудно решить. Это, как заметила Масита, часто приводило мужа в уныние. И Джали тоже. Тогда Будин утешал Джали:

— Божьей милостью когда-нибудь наша мечта осуществится.

Дойдя до колодца, Масита осмотрелась вокруг, точно спрашивая себя, действительно ли она забыла здесь что-то. После тщательных поисков она убедилась, что у колодца ничего не забыла.

Масита всматривалась в чистую зеленую поверхность воды. Ее лицо отражалось на спокойной глади. Но, ощущая душевное волнение и напряженность своего лица, Масита знала, что так же волнуется и вода под спокойной поверхностью.

Лист с близстоящего дерева нангки упал вниз и коснулся воды. Изображение искривилось. Масита посмотрела вверх на дерево нангка, которое стало теперь большим и высоким. Неужели это то самое дерево, которое она и Будин посадили вскоре после рождения Джали? Масите вспомнилось прошлое. А дерево саво, посаженное после рождения Суми? Оно сейчас тоже высокое и густое. И когда она носила в себе Салми, она жадно поглощала его молодые, еще незрелые плоды.

— Мне нравится их горьковатый привкус. Да и в любом случае, если их оставить доспевать, их съедят летучие лисицы, — говорила она Будину.

Слух Маситы уловил гул самолета. Когда она посмотрела вверх, то увидела сотни самолетов, летящих в сторону южного острова. Самолеты были похожи на серебристо-белых журавлей. Резкий звук заставил Маситу закрыть уши. И в этот момент мужчина подкрался к ней и обхватил ее тело. Масита не знала, как долго она здесь находилась.

— Пусти меня, — вскрикнула Масита.

— Что с тобой, Мас?

Масита крепко прижалась к Будину. Суми и Салми наблюдали за ними. Затем Масита отстранилась от мужа. Она тяжело вздохнула и бросила взгляд на взлетную полосу. Она увидела не сотни “журавлей”, а один единственный самолет, разогнавшийся на взлет.

— Все в порядке, мама, — утешала ее Салми. Пять лет не такой уж большой срок. Джали покинул нас с твоего благоговения. Все будет хорошо. Токио не очень далеко от нас.

Масита медленно вытерла слезы. — Пять лет. Токио. Джали. Реальность, с которой я должна примириться, — подумала Масита.

Суми держала руку матери, а Салми гладила ее волосы.левой рукой Будин обнял ее за талию. Они не отрывали взгляд от самолета, который повис в воздухе, оторвавшись от взлетной полосы. Самолет летел на север. Вот он стал уменьшаться.

Становился все меньше, меньше и совсем исчез из глаз Будина. Салми. Суми. Маситы.

Масита все смотрела в небо, на север. Взгляды остальных тоже были прикованы к небу. Масита медленно сложила руки благоговейным жестом и стала молиться. Она тихо шептала молитву. Тихо. Только для себя.

— О, Боже, самолет уносит моего сына, и я освобождаюсь от бремени, которое носила со времен войны. Я благодарна тебе за то, что ты давал мне силы все эти годы сохранить мою тайну и противостоять бушующей войне в моем сердце. При твоём благословении я создала счастливый дом. Но через пять лет он вернется. И если с твоего божественного благословения я доживу до этого дня, я молю тебя только об одном, дай мне силы, которые ты давал мне до этого. Аминь.

Рахман Хаджи Юсуф (*Rahman Haji Yusof*) (р. 1940) — малайзийский писатель. Окончил малайскую школу, до ухода на пенсию в 1992 году работал на различных должностях правительственного аппарата штата Паханг. Пишет повести и рассказы. Публикуется с 1970 года в газетах и журналах на малайском языке. Опубликовал более ста рассказов, в том числе в виде двух антологий, а также пять повестей. Лауреат многочисленных премий, в том числе премии писательской организации ГАПЕ-НА (1976, 1991, 1997). Награжден двумя медалями султаном Паханга. Некоторые его рассказы включены в программу курса литературы в средней школе.

РЫЖУХА (MERAH)

Только во имя собачьей преданности она рожала плотисеньких и красивых щенков поддомом старика-крестьянина. И во имя той же преданности не помышляла о побеге вместе с ними от того, кто был ее хозяином с давних пор.

Утренний ветерок, подувший со стороны рисового поля, задирает у ней шерстку. Двое ее щенков сладко спали, окутанные прохладой раннего утра. Дождь, не прекращавшийся со вчерашнего дня, навевал тоску и уныние.

— Рыжуха! — так звали ее.

— Щенки у тебя плотненькие и красивые. У них гладкая и плотная шерстка. Ты хорошая сучка и всегда рожашь толстенных и здоровых щенков.

Вероятно, таким образом нахваливал ее старик-крестьянин, когда неделю назад обнаружил, что она снова разродилась хорошенькими щенками. Собственно говоря, ей не привыкать к его похвалам. Каждый раз, когда она приносила щенков, старик говорил ей такие слова — хвалебные, ласковые, которые, однако, уже давно не внушали ей ничего, кроме ужаса.

Очевидно, ее преданность была чрезмерной. Ведь на самом деле старик-крестьянин никогда не жалел и не любил ее, он вовсе не был ее другом. Все эти ласковые слова были ей ни к чему, раз он забирает и куда-то отвозит рожденных ею щенков, постоянно заставляя ее страдать от безысходного одиночества.

И все-таки во имя преданности она никогда не протестовала, никогда не выказывала признаков недовольства, хотя сердце разрывалось на части и обливалось кровью, когда ее разлучали с еще крохотными и беспомощными малышами.

Она уже не молода. Пять раз беременела и рожала. Но все ее двенадцать щенков были где-то далеко. Как заботятся о них там? И где обитают они? В богатом каменном доме или ветхой убогой хижине? За железной решеткой или у входа в дом, рабешко охраняя жилище человека? Любят ли их или безжалостно избивают ногами?

Однако другие собаки считали, что ей грех обижаться на жизнь. Она рождает красивых и толстенных щенков, а это нравится людям.

— Тебе повезло, — говорили ей соседские собаки. — Твои дети выросли большими и злыми. Они охраняют большие каменные дома. Что еще тебе нужно?

Но именно это больше всего ее и расстраивало. Подобная похвала вызывала у нее лишь чувство горечи и печали. Как может быть счастливой мать, если ее разлучают с детьми? Как тоскливо у нее на сердце от того, что она не может с ними больше встретиться!

— Нет! Нет! Я этому вовсе не рада.

— Как можно этому не радоваться? Разве каждая мать не мечтает о счастье своих детей? Разве она не испытывает гордости, что ее дети живут у знатных людей?

— Все не так! Мои дети страдают от того, что они красивые и ладные. Мои дети сидят на цепи, потому что их научили быть злыми. Мои дети плачут от разлуки с матерью.

Вот так каждый раз приходилось ей возражать соседским собакам. Каждый раз, когда те пытались убедить ее в обратном. А когда они уходили, безысходное одиночество и печаль обрушивались на нее с новой силой.

— Дети мои! Если бы вы видели, как я постарела! Как бы мне хотелось, чтобы мы жили вместе! Пусть в горести и лишениях, но вместе.

Приподнявшись, она села на задние лапы, чтобы посмотреть на своих малышей. Да, они действительно милые и постоянно нуждаются в ее любви и заботе. Стоит ей только отойти ненадолго, как они начинают скулить и звать ее к себе. И только когда она возвращается, замолкают и нежно тычутся ей в живот.

Тем временем становилось все холоднее. Усилившиеся порывы ветра пронизывали их тела насквозь. Непрекращающийся с вечера дождь отбивал у старой суки всякое желание двигаться с места. В это сырое утро она чувствовала слабость и голод, но старик-крестьянин не показывался из дома и не звал ее поспать.

Порой у нее возникала мысль бежать от хозяина вместе со щенками далеко за рисовое поле. Она не хотела, чтобы все повторилось снова. Ей казалось, на этот раз она не перенесет расставания с малышами. Ведь она не молода и нуждается в любви и заботе. Может быть, это последние щенки, которых она смогла произвести на свет и, если их заберут, некому будет скрасить ее старость.

Но во имя преданности она не могла так просто разорвать узы, так долго связывавшие ее со стариком-крестьянином.

И все-таки в это холодное утро ее почему-то не покидало чувство страха. Сердце тревожно сжималось, когда она бросала взгляд на прижавшихся к ней беспомощных щенков. Из головы не шли раздражающие душу воспоминания о том, как

разлучали ее с детьми, которых ей никогда не суждено было больше увидеть.

— Ах, старик-крестьянин, — вздыхала собака. — Зачем ты всегда забираешь моих детей?

Она продолжала лежать на земле, пытаясь укрыть щенков от пронзительного декабрьского ветра и холодных потоков дождя. Пусть ветер не треплет их густой шерсти, а дождь не мочит ее.

Устав от долгого лежания, она приподняла голову и осмотрелась вокруг. Трава возле дома была прибита дождем. Старик-крестьянин так и не появился сегодня на поле. В дождливый сезон всегда так. Рисовое поле залито водой. Овощи, посаженные по его краям, гибнут от избытка влаги.

Собака чуть привстала и нехотя тявкнула. Но беспокойство, охватившее ее, не проходило, словно она наперед знала, что случится с ней и ее выводком в этот дождливый сезон.

— Ах, дети мои, — вздохнула она. — Как бы мне хотелось никогда с вами не расставаться.

А перед глазами вставали картины прошлого. Шесть месяцев назад она вот так же разродилась тремя хорошенькими и толстенькими щенками с густой и мягкой шерстью. У них были широкие обвислые уши. Она знала, что когда они научатся ходить, и пойдут друг за другом сразу будет видна их порода. Старик-крестьянин тоже знал это и похваливал их, находя добрые и нежные слова.

— Рыжуха, — обращался он к ней. — Каких чудесных толстеньких щенков ты принесла! У них густая и блестящая шерстка. В городе любят таких породистых щенков.

Но похвала его не приносила ей больше радости и покоя. Наоборот, порождала чувство тревоги и страха. То, как безжалостно он с ней всегда обходился, не выходило у нее из головы. Она запомнила эти уроки жестокости навсегда.

Да и как не запомнить, если ее маленьких щенков, которые так любили играть с ветром, ласкавшим их шерстку, хватали и бросали в корзину, а затем увозили на машине неизвестно куда. И от их жалобного плача заходило ее сердце.

— Дети, дети мои!

Еле сдерживая рыдания, она посмотрела далеко, за кромку рисового поля и в росистой утренней дымке как бы увидела своих уже взрослых щенков, услышала их голоса — залиvistый лай у дверей каменного дома в городе. Она увидела их, при-
вязанных цепью, и вновь ощутила прилив нежности.

Все еще во власти видений, она медленно поднялась на ноги. Два ее малыша продолжали лежать, окутанные холодным утром, и вызывали у нее чувство щемящей жалости.

— О, старик-крестьянин! Если бы ты только понимал, о чем я думаю, если бы ты услышал стенания моего сердца! Если бы ты внимательно присмотрелся ко мне, ты бы увидел, как жестоко я страдала все это время. Почему ты никогда не проявляешь ко мне сострадания? Ко мне, матери. Неужели ты снова разлучишь меня со щенками?

Вокруг все постепенно просыпалось. Лучи солнца прорвались сквозь листву деревьев, окружавших рисовое поле. Дождь постепенно стих, но воздух был все еще насыщен влагой.

Вместе с солнцем проснулся и старый крестьянин. Отойдя ото сна, он поднялся, чтобы встретить наступление ясного утра. Сначала он долго прокашливался, затем, тяжело ступая, вышел из дома посмотреть, что творится вокруг.

— Рыжуха!

Собака вздрогнула, услышав, как зовет ее хозяин. Ей показалось, что голос у него не такой, как всегда. Твердость, прозвучавшая в голосе, как бы выдавала его намерения. Она почувствовала, как страх вновь охватил ее.

Но по зову собачьей преданности она выбежала к нему и ткнулась в его босые ноги как обычно, словно в их отношениях ничего не изменилось и словно она по-прежнему его любит.

Старик-крестьянин присел перед лежащими на земле щенками. Ребра на его тощем теле обозначились еще ярче, когда он стал поднимать и разглядывать малышей одного за другим. Его круглое с темными пятнами лицо засветилось радостью, как только он увидел, какими хорошенькими уродились щенки.

— О, ты такой толстенький и гладкий. Ты из хорошей породы, и я тебя выгодно продам в городе.

Каким странным был старик-крестьянин этим утром! Он совсем не обращал внимания на мать щенков, старую и грустную собаку, у которой от голода подводило живот. Конечно, приятно, что он рад ее щенкам, но разве можно не замечать их сидящую рядом мать. Неужели он забыл былую дружбу? Нежели он уже подсчитывает, сколько денег получит за ее детей?

Поиграв со щенками, старик-крестьянин потужился, повертев задом, и освободился от распиравших его живот газов. Затем ушел в дом, взял там корзину, вернулся и стал сажать в нее щенков.

Собака заволновалась опять. Все повторялось, как раньше. Что будет с ее малышами на этот раз?

Волнение перешло в тревогу, затем в ярость. Она сердито зарычала на хозяина, умоляя его не делать того, что он задумал. Но тот не обращал внимания на ее мольбу. Более того, старик тоже начал выходить из себя. Он не любил, когда на него рычали собаки.

— Зверюга! — сказал крестьянин, пнув ее ногой. Собака взвыла от боли. Отскочив, она умоляюще посмотрела на хозяина. В ней еще теплилась надежда, что до него дойдут стенания ее души.

— Старик-крестьянин! Если бы ты знал, что у меня сейчас на сердце! Если бы ты знал, как я страдаю! Пожалей меня! Я не молода и силы у меня не те, что раньше. Мне нужны любовь и участие моих детей.

Но старик-крестьянин по-прежнему игнорировал собаку-мать. Он посадил щенков в корзину и закрыл ее. Днем, когда солнце взойдет высоко над головой, из города придет машина с людьми, которые купят этих миленьких щенков и увезут их далеко от матери.

Собака зашлась от злости и вцепилась хозяину в ногу. Укус был глубокий, до крови.

Старый крестьянин рассердился на этот раз не на шутку. Прихрамывая, он устремился в дом и затем появился снова, держа в руках ружье. Собака слышала грохот выстрела и почувствовала, как что-то обжигающее впилося в ее тело.

Это что-то свалило ее с ног. Она завизжала от боли и несколько раз перевернулась по земле. Из раны била пенящая кровь.

— О, хозяин! Так-то ты платишь мне за мою преданность, за нашу с тобой дружбу? — Ползком она приблизилась к скулящим в корзине щенкам, которые когда-нибудь вырастут и станут прислуживать чужим людям.

— О, дети мои... Моя смерть — знак того, что мы не всегда остаемся покорными во имя преданности. Моя смерть — знак того, что и мы можем взбунтоваться против людей, превративших нас в свое послушное орудие.

Порывы сильного ветра вновь обрушили на мокрую землю дождь. И капли дождя смешались с красной кровью бедной собаки.

Она умерла в объятиях холодного утра на глазах у своих малышей после того, как оказалось, что ее преданность больше уже никому не нужна.

Ирван Абу Бакар (Irwan Abu Bakar) (р. 1951) — профессор биотехнологии инженерного факультета Университета Малайя (Universiti Malaya). Настоящее имя Ван Абу Бакар Ван Абас. Пишет стихи, рассказы, критические эссе. Основатель литературного интернет-журнала esastera.com, редактор журнала «Састра Нэт». Автор поэтического сборника «Семелар» (2003) и повести «Взаимная любовь» (2008).

МАЛАЙСКАЯ КРОВЬ (DARAH MELAYU)

В дверь дома Малики грубо постучали. Стучали долго. Слышались громкие голоса. Говорили по-шотландски. Наконец, дверь выломали. Малики схватили. На его протестующие крики, разбивавшие холодную ночную тишину Глазго, никто не обращал внимания: его втащили в ожидавшую на улице старенькую машину, которая тут же помчалась по Саучихолл-стрит, потом по Арджил-стрит и дальше в неизвестном направлении.

Малики уже шесть лет жил в Шотландии, стране, где мужчины носят юбки. У него, единственного малайца, проживавшего на окраине большого города Глазго, никогда не было здесь

серьезных проблем. Шотландцы — хороший народ. Мало чем отличаются от малайцев. Не грубят, доброжелательны к иностранцам, невысокомерны. Малики часто говорил соседям, что ему нравится жить среди шотландцев и что они очень похожи по своему поведению на его соплеменников. Единственная проблема — шотландцы иногда перебирали со спиртным. Но то, что случилось с Малики этой ночью, выходило за его привычные представления об этих людях. Тем более, что он хорошо знал тех, кто его похитил, — это были соседи, с которыми он всегда до этого ладил.

“ОРКК — наш главный враг!”

“ОРКК — убийца нации”

Так кричали плакаты, развешанные по всему миру в рамках просветительной кампании. На разных языках.

Появление новой болезни “Острое разложение кровяных клеток” (ОРКК) вызвало ужас. Беспокойство. Страх. Весь мир был в панике. Болезнь убивала не только отдельного человека. Не только население отдельного города. Не только население отдельной страны. Она убивала все человечество. В Китае и Японии, в России и Европе, в Африке и в Америке. Под угрозой находилось само существование человечества. Никаких исключений. Болезнь возникала сама по себе в каждом человеке. Плодилась, как грибы после дождя. И никто не мог понять причин ее появления. Это был кризис мировой системы здравоохранения. По причине этой эпидемии повсюду было введено чрезвычайное положение.

ОРКК меняло физический состав красных и белых кровяных телец. Человек умирал через несколько часов после заражения. Болезнь, как полагали, возникла внутри: она не была результатом инфекции извне. Принимались энергичные усилия определить причину болезни. Этим занимались государственные и частные институты, включая Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ).

Примерно через месяц после того, как появилась болезнь, унесшая к тому времени шесть миллионов человеческих жизней, один из специалистов ВОЗ обратил внимание на то, что среди жертв не было ни одного малайца. Повсюду, где бы они ни находились, даже в Англии, более всего подвергшейся эпи-

демии, малайцы проявляли устойчивый иммунитет к ОРКК. Причем это касалось не только малайцев из Малайзии, но и близких им по происхождению народов в Индонезии, на Мадагаскаре и Камбодже.

«Как продукты питания в консервах портятся после установленного срока хранения, указанного на банках, так и кровь старых наций постепенно изнашивается и гнивает, — заявил глава исследовательской группы ВОЗ в Куала-Лумпуре доктор Уилкинсон, пытаясь объяснить этот феномен. «Малайская нация, — добавил он, — сравнительно молодая, поэтому «срок годности» ее крови еще не истек».

В течение нескольких недель теория «старения наций», выдвинутая Уилкинсоном, стала предметом пристального внимания исследователей. Однако, она была быстро отброшена, как только стали известны результаты исследования группы российских ученых в отношении племен Кулу в Африке. Племена эти были значительно моложе малайцев, но не избежали эпидемии ОРКК.

Стойкий иммунитет малайской нации к ОРКК привлекал интерес исследователей. Они стремились выяснить особенность малайцев, узнать, что за реагент, имеющийся в их крови, препятствует развитию ОРКК.

Исследования велись по разным направлениям. В частности, одна группа исследователей основывала свои изыскания на том, что малайцы — единственный этнос в мире, подверженный особому психическому состоянию *лата*. Это состояние наступает вследствие внезапного испуга и заключается в том, что человек впадает в транс, при котором против своей воли начинает повторять все движения и слова того, кто его напугал. Ученые пытались найти объяснение иммунитету малайцев к ОРКК, сопоставляя процессы, происходящие в крови малайцев в состоянии *лата* и процессы, происходящие в крови больных ОРКК. Но и это направление оказалось бесперспективным, как только обнаружилось, что состояние *лата* известно у эскимосов, которые, однако, в отличие от малайцев, не проявляли стойкости к ОРКК. Канадские ученые, направившиеся было в районы проживания эскимосов для проведения исследований, быстро свернули

свою деятельность, как только обнаружили там первые заболевания ОРКК.

Наряду с усилиями объяснить феномен ОРКК, предпринимались меры по поиску противоядия. Изучалась реакция пациентов на различные препараты и продукты питания. Почти сразу же в качестве возможного спасительного средства было предложено переливание крови малайцев больным ОРКК. Переливание крови проводилось в нескольких медицинских научно-исследовательских центрах США, Германии и Японии. Сотни добровольцев-немалайцев изъявили желание подвергнуться лечению. Практиковалось как частичное, так и полное переливание крови. Кровь малайцев стала баснословно дорогой. Один кубик стоил несколько тысяч евро. Продавая кровь, малайцы получили возможность значительно поправить свое финансовое положение. Некоторые разбогатели, используя этот господний дар.

Сообщалось также о жутких случаях обращения с малайцами, хотя эти случаи официально опровергались. Там, где малайские общины составляли меньшинство, они подвергались нападению со стороны немалайцев, которые насильно забирали у них кровь. Порой малайцев похищали и выкачивали из них столько крови, что они погибали. Подобная участь постигла Малики. В условиях, когда основные нации мира оказались перед угрозой исчезновения, такие дикие и варварские методы спасения получали даже оправдание. Говорили, что малайцам, оказавшимся в силу неясных причин в исключительных условиях, не следует думать только о себе, что они должны поделиться кровью с другими народами.

Переливание крови малайцев немалайцам оказалось единственным способом спасения человечества от угрозы исчезновения. Правительства ряда малайских стран, воспользовавшись возможностью, стали экспортировать кровь своих граждан для пополнения государственной казны. Людей заставляли сдавать кровь в принудительном порядке. Под давлением великих держав правительства малайских стран обязывали своих граждан за рубежом систематически становиться донорами. В ход пускались угрозы: лишить студентов правительственных стипендий, а кого-то даже гражданства.

Зависимость всего мира от переливания малайской крови рассматривалась не только с точки зрения получения экономических выгод. Некоторые говорили о необходимости извлечь из этого политические дивиденды. Впервые в истории малайцы получили возможность превратить свою страну в великую державу. Ведь только у них теперь есть оружие, которого нет ни у кого. Это оружие против ОРКК. Оружие, с помощью которого можно предотвратить гибель нации.

Были попытки взглянуть на проблему и с точки зрения религии. Как обычно, мнение мусульманских богословов разделилось.

«Дар Аллаха, которым мы обладаем, следует использовать для спасения всех людей, вне зависимости от исповедуемой ими религии. Ислам дан, чтобы облагодетельствовать все человечество, а не только правоверных», — так говорили одни. Другие же утверждали, что малайцы не должны спасать своей кровью неверных-кафиров. Неверные всегда были и будут врагами Ислама. Немусульманские нации жестоко притесняют мусульман. Отдавать кафирам кровь — значит идти вопреки воле Аллаха, который задан целью уничтожить неверных.

Переливание крови малайцев больным других национальностей осуществлялось в течение четырех месяцев. В некоторых случаях заболевание не отступало. Цена малайской крови стала падать. Многие малайцы потяряли возможность разбогатеть, но многим зато удалось избежать печальной участи тех, кого насильственно похищали и отнимали у них кровь.

И тут появились обнадеживающие сообщения из Кантона в Китае. Руководитель группы японских исследователей профессор Саегуса заявил, что в Китае обнаружена живущая в изоляции община людей, ни один из которых не подвергся заболеванию ОРКК. Это весьма важно, ибо это первая община с иммунитетом к ОРКК за пределами малайского мира. В Кантоне устремились ученые из других стран мира.

Прошел месяц интенсивных исследований, и ученые собрались в Женеве, чтобы изложить результаты своей работы. Японская группа предложила теорию, согласно которой китайская община питалась благодаря своей изолированности исключительно натуральными продуктами, что предотвра-

тило загрязнение крови. Их чистая кровь противодействует разложению кровяных клеток. Группы из США и Израиля предложили свои версии, которые, однако, были отвергнуты по причине недостаточной обоснованности. Доклад российской группы поразил всех, но был признан наиболее верным и даже заслужил Нобелевскую премию. Российские медики-антропологи во главе с доктором Паседовым обнаружили, что изолированная кантонская община — это потомки от смешанного малайско-китайского брака. Пять поколений назад их пра-пра-прабабушка вышла замуж за малайца, бежавшего от преследований властей из Малайи в Китай.

Вывод о том, что все потомки китайско-малайской пары обладают иммунитетом к ОРКК был весьма важным. Это означало, что дети от смешанного брака с малайцем или малайкой никогда не подвергнутся заболеванию ОРКК. Их кровь будет обладать теми же уникальными свойствами, что и кровь чистых малайцев. Это открытис давало шанс на выживание всем нациям, стоящим перед угрозой исчезновения. «Любую нацию можно спасти через браки с малайцами», — подчеркнул доктор Паседов.

Так малайцы стали самыми желанными партнерами на брак с гражданами других стран. Им посыпались предложения из различных уголков мира. Браки заключались как индивидуально, так и на основе правительственных соглашений. Малайцы расселились по всему миру, чтобы спасти человечество. Прав был герой малайского эпоса Ханг Туах¹, говоривший, что «никогда малайцы не исчезнут с лица Земли».

Из окна кондоминиума, где я живу, мне видно, как малайцы группами садятся в машины и автобусы и отправляются в аэропорт, чтобы разлететься по всему миру и завести где-то там далеко семью. Это люди разных социальных групп и профессий. Среди них мои знакомые молодые писатели — Нимониз, Анджан Ахзана, Дахри Закария, Джимади Шах, Ида Мунира, А. Марзах Вах, есть и поэты Каблам, Инносент Ван.

¹ Герой героического малайского эпоса «Повесть о Ханге-Туахе», восставший против султана. В русском переводе см. «Повесть о Ханге Туахе», М.: «Наука», Гл. ред. вост. лит., 1984 (перевод Б.Б. Парникеля).

И вот я думаю, что это: использование лучшим образом дара, унаследованного от Аллаха, или продажа своей нации?

Отчего же малайцы обладают иммунитетом к ОРКК? Я не знаю. Как образованный малаец, холостой, немало путешествуя и знающий не один иностранный язык, я тоже получаю предложения «спасти» другие нации от вымирания. Но может быть, все-таки лучше жениться на малайке и сохранить чистоту малайской крови?

Абдул Рахман Че Мат

Абдул Рахман Че Мат (Abdul Rahman Che Mat) (р. 1943) — малайзийский прозаик. Окончил в 1980 году Университет Малайя в Куала-Лумпуре. Работал учителем малайского языка в школе и педагогическом техникуме в Куала-Тренггану. Пишет прозу, драму, киносценарии с начала 1960-х годов. Награждён премиями писательской организации ГАПЕНА и Совета по языку и литературе. Лауреат литературной премии Малайзии 1984 г. за повесть «Одетые в зелёное». Издал пять сборников рассказов и четыре повести.

ЖЕРТВА (KORBAN)

Пусть!

Пусть люди судачат. Пусть осуждают. Пусть несправедят. Пусть проклинают. Пусть. Пусть. Пусть говорят, что это плохо. Пусть. Я не отступлюсь от своего. Христианская вера. Вот оно, единственно правильное решение. Только это излечит моё больное сердце. Только это.

На улице было прохладно. Дул лёгкий ветерок. С веранды отцовского дома открывался чудесный вид на песчаный берег моря. Свежий воздух.

Может быть, прогуляться? Ну уж нет. Уже вечер. Скоро зайдёт солнце и станет темно. Уже сейчас на берсту почти никого нет. Видно лишь несколько тёмных фигур — наверняка мужчины. Молодые влюбленные боятся выходить на берег ночью, так же, как мусульмане боятся собак.

Ты уж чрезмерно чувствителен. Чувствителен? Может быть и так. Но рана на сердце не проходит. Все это уже было. И красота морского берега ничего не значит для меня сейчас.

Но ты можешь любоваться луной и один. Один? Ну, конечно. Но что за радость любоваться одному.

Ты что, не любишь больше это место? Нет.

Топ-топ-топ. Это вероятно Яти, младшая сестра. Топают по лестнице, несёт мне воды.

— Брат, — позвала Яти и плюхнулась в ротановое кресло возле меня. Её глаза тоже смотрели на море.

Ах, приятно промочить горло холодной водой.

— Брат!

— Яти... Ну чего тебе?

— Мама плачет.

— Из-за чего?

— Из-за твоего решения.

— Верно. Но... Что ещё?

— Мама только что поссорилась с отцом.

— Поссорилась с отцом?

Яти потупила взор, рассматривая свои голые, чистые ноги.

— Из-за тебя.

В голове всплыл недавний разговор с отцом.

— Ты знаешь, Насир, твоё решение скажется на моей репутации. Я всё-таки здесь большой человек. Скажется на репутации всей семьи. Как я буду смотреть в лицо другим людям?

— Отец большой человек? Да ты не человек вовсе, а ма-рионетка. Зарплату большую имеешь, да. Народные деньги. А что ты сделал для народа? Мог бы по крайней мере добиться отмены устаревших законов, которые уже неуместны в этой стране.

— Тебе легко говорить. На эти деньги ты живёшь, учишься. Вот поступил в университет. И всё на мою зарплату.

— Я не просил тебя.

Воспоминания о разговоре с отцом всплыли и пропали. Он очнулся.

— Брат, я хочу спросить тебя.

Сурьяти тормошила его за руку.

— Да, Яти, спрашивай.

— Что с тобой, брат?

— Да, ничего.

— Мама поссорилась с отцом. Она на твоей стороне. Говорит, что согласна с тобой.

Насир снова устремил взор на море, и снова всплыли слова отца:

— Ты — мой сын, и я обязан содержать тебя.

— Если так, то зачем лишний раз напоминать об этом?

— Ты не понимаешь, Насир. Другие пытались изменить, но не смогли. Это закон нашей веры.

— Если ты знаешь, что всё бесполезно, к чему держаться за такой большой пост. Не будет ли честнее просто уйти. Устроить пресс-конференцию. Пусть узнает вся страна, почему ты ушёл. И будут целы народные деньги.

— Тебе легко говорить. Да, легко.

— Я говорю, потому что знаю, что ты сам не согласен с этим законом. Ты часто бываешь в Бангкоке и спишь там с тайскими женщинами. Ты бываешь в Джакарте и там спишь с яванками. А дома ты сидишь на совещаниях и обсуждаешь вопросы морали. Это же сплошное лицемерие.

— Брат, брат, ты что, плачешь?

Это Сурьяти снова взяла его за руку. Он очнулся.

— Яти!

— Ты плачешь?

— Нет.

— А на лице слёзы.

Ах, проклятые слёзы!

— Мне грустно, Яти.

Насир медленно вытер слёзы. У Сурьяти защемило на сердце. Она тоже заплакала.

— Если ты позволишь мне сказать, то я скажу, что тоже на твоей стороне. Но хочу, чтобы ты отказался от своего решения.

Если ты примешь христианскую веру, то наши отношения в семье изменятся, станут другими.

— Нет, — он покачал головой.

— Как же ожесточилось твоё сердце. Что тут поделаешь? Я лишь твоя младшая сестра и мне ничего не остаётся другого, как плакать. Ох, брат.

Сурьяти вскочила, закрыв лицо руками, и быстро направилась к своей комнате.

Хлоп!

— Яти!

Насир обернулся, но дверь была уже плотно закрыта.

— Яти, девочка моя!

Он покачал головой. Вернулся в прежнее положение, устремив взор на берег моря. Там он видел себя и Джулию, как они сидели на скамейке под лиственницей. Всё было сказочно в свете полной луны, и ночь казалась прекрасной. Они сидели, плотно прижавшись друг к другу, как единое целое. Вдруг блеснул свет фонарика.

— Не двигаться! Вы задержаны за аморальное поведение.

— Аморальное поведение? Это аморальное поведение? Посмотрите на меня, на мою подругу. Вся одежда на нас.

И он вспомнил, как было потом в шариатном суде. Слушалось дело вдовы, которую обвиняли за ее связь с китайским парнем. Но парня на суде не было. Не задержали. Странно.

— Ты признаёшь, что имела связь с китайским юношей ночью во вторник 23 января?

Женщина кивнула головой.

Без защиты, без свидетелей. Обвинял ее сотрудник отдела нравов, который видел её «преступление». Сотрудник, которому платят за то, чтобы он подглядывал и доносил.

— Это у тебя второй случай. Признаёшь вину?

— Признаю, господин.

Женщина вся дрожала. И никакого сочувствия со стороны других. На лицах присутствовавших застыла улыбка. Он всё это видел и слышал. Его самого судили.

— Я не признаю за собой никакой вины.

— Ты вёл себя аморально.

— Я не признаю за собой никакой вины. Если вы считаете меня виновным, можете меня наказать, ибо вы — власть. Но знайте, что вовсе не обязательно, что я, обвинённый вами, попаду в ад, а вы, задержавшие и осудившие меня, попадёте в рай.

Он видел, как судья застыл с открытым ртом от удивления и потом услышал приговор: ему и Джулии штраф по 70 рингитов или неделя тюрьмы.

— Я готов сесть в тюрьму, если мне разрешат там читать.

Но тут появился отец и заплатил штраф. А его и Джулию потащили к машине. Он успел увидеть, как вдову, оштрафованную на 200 рингитов, повели в тюрьму, так как у неё не было денег заплатить штраф.

— Ну, и где же справедливость? А если у этой женщины ребёнок? Младенец, ещё нуждающийся в материнском молоке? А?

Насир вздохнул.

В гостиной отцовского дома было сумрачно. Сурьяти вместе с матерью и Джулией плакали, сидя на мягком диване. Его отец, господин Кудус, поспешил скрыться на работе.

Подъехало такси. Насир посмотрел на часы. Ровно 7.30 утра. Достав дорожную сумку и книги, он спустился вниз. Он решил вернуться в общежитие, хотя до конца каникул оставалась ещё неделя. Под мышкой он держал Библию.

Отдав сумку водителю такси, он подошел к матери, сидящей безжизненно на диване вместе с Сурьяти и Джулией. Он встал на колени. Вложил обе руки матери в свои, наклонил голову и поцеловал их. Мамины, пахнувшие чем-то приятным руки.

Залеха затрепетала, принимая поцелуи своего первенца. Руки стали влажными. Она застонала и обняла сына.

— Я поехал, мама. Ты вскормила меня своим молоком, и я по-прежнему твой сын.

— Насир!

— Яти, я уезжаю. Береги маму.

— Брат, я буду молиться за тебя. Когда-нибудь ты вернёшься. Вернёшься снова мусульманином.

— Яти!

— Джулия, прости. Но верь, что я по-прежнему тебя люблю.

И Насир ушёл, оставив за собой стоны теряющей разум матери. Он сел в такси, которое тут же тронулось с места, набирая скорость.

Залеха выскочила на улицу и смотрела, как такси стремительно уносит её первенца.

Джулия смотрела на плачущую Сурьяти и её мать. В душе пустота, никаких чувств, в голове тяжесть.

— Насир оставил меня. Моя репутация замарана осуждением за аморальное поведение.

Джулия вспомнила разговор со своей матерью перед тем, как она пришла в дом Насира.

— Пусть он уходит, Джулия. Я — твоя мать, и не советую тебе идти за ним. Не плачь. Он встал на ложный путь.

— Я не пойду за ним, мама. Не беспокойся.

— Если так, то чего же плакать?

— Мне грустно.

— Ну, не грусти. Взбодри себя. Отец оставил машину, ты можешь покатайся на ней, успокоиться.

— Яти, тётушка, я ухожу!

— Ты вернёшься? — спросила Сурьяти с лицом, мокрым от слёз.

— Не знаю.

Она направилась к своей машине.

Красная машина с номером DA 204 уччалась вдаль.

— Учись хорошенько, Джулия! Я жлу, когда ты тоже поступишь в университет.

— Слава Богу! Благодаря твоим моли гвам мы скоро вместе будем в университете.

— На Бога надейся...

— Да, я обещаю. Но смотри, не заведи там себе другую подружку.

— Брось ты эти глупости.

— Да, дорогой.

— Дорогой?

— Да, дорогой.

- О!
- Я серьёзно.
- Хорошо, дорогая!
- Хорошо, дорогой!

И что теперь? Всё рухнуло, всё пропало.

- Не спеши, Джулия. Тебе что, жить надоело?
- Ах, всего 65 километров.
- Да не гони ты! Ещё не научилась ездить как следует.
- К чёрту! Всё потеряло всякий смысл. В душе пустота.
- Но у тебя есть мать, отец, младший брат.
- Да, мать, отец, младший брат. Это всего лишь семья.
- Они переживают за тебя.
- Переживают? И только? Но где плечо, на которое можно опереться?
- Ты можешь найти и другого парня.
- Но как найти другую любовь?

Нет! Нет! Нет!

Ах, крутой поворот!

Кр-р-р

— Насир, братец! Джулия попала в аварию. Ей очень плохо. Скорее присажай! — получил он сообщение от Сурьяти.

— Джулия!

Руки Насира затряслись, когда он читал телеграмму от младшей сестры. Срочно ловить такси и возвращаться.

Всё потому, что мысли Джулии были в беспорядке, когда она вела машину. Потому что жизнь без меня для неё пуста. Ехала на большой скорости. А её отец? Знал, в каком состоянии дочь. И оставил ей машину. Чёрт бы его побрал!

Такси мчалось вперёд.

— Джулия, не умирай! Подожди меня, дорогая! Я возвращаюсь. Еду к тебе. Я возвращаюсь.

- Что с вами?
- О! — Насир несколько раз провёл рукой по лицу.
- Вы больны?

— Нет! Хм. Какая скорость?

— 70 километров.

— Нельзя ли побыстрее?

— Нельзя. Скоро будем на месте.

Насир смотрел вокруг. По сторонам зелнели мангры. Он откинулся на спинку сиденья.

Машина мчалась вперёд.

— Джулия! Ты обещала хорошо заниматься. Ты хотела вместе со мной учиться в университете.

Такси мчалось вперёд.

Насир крепко зажмурил глаза.

— Ну вот, и приехали. Где ваш дом?

— А? Что? Уже приехали? Сверните в следующий переулок.

Таксист повернул в переулок.

Насир посмотрел на свои часы. Такси остановилось.

Расплатившись, он выскочил из такси и побежал к дому Джулии. Во дворе никого. Он бросился в дом и вбежал в гостиную. Услышав шум, туда вышла из другой комнаты служанка.

— Все в больнице, — сказала она.

Насир стремительно бросился из дома, поймал велорикшу и попросил его быстрее отвезти в больницу.

В больнице у отделения скорой помощи все стояли и плакали. Захара, мать Джулии, Сурьяти, Залеха, господин Кудус. Отец Джулии еще не приехал.

— Насир! — Залеха крепко обняла сына.

И рыдания стали еще громче — горе охватило всех.

— Где Джулия? Как она? — спросил Насир, прижавшись к щеке матери.

В ответ лишь слышались безутешные рыдания.

Вскоре вышла медсестра. Остановившись, она осмотрела присутствовавших. Затем подошла ближе.

— Кто Насир?

Насир поднял глаза.

— Я.

И подошёл к медсестре.

Медсестра провела его внутрь. Насир еле шёл. Казалось, ноги и не наступали на пол.

— Успокойтесь, господин, — сказала медсестра.

Джулия лежала неподвижно. Голова и руки были перевязаны. Глаза плотно закрыты. Насир сел на стул. Он взял руку Джулии, на которой ещё были видны следы крови. Рука была холодной.

Почувствовав его прикосновение, Джулия открыла глаза.

— Насир!

— Джулия! Я вернулся!

— Насир! Вернись в ислам! Я хочу, чтобы ты снова стал мусульманином, — с трудом выговаривая слова, сказала Джулия.

Насир кивнул головой.

— Да я мусульманин. А Библию читал просто, чтобы знать. Мусульманин я, — сказал Насир, продолжая держать руки Джулии в своих.

— О! Я так благодарю Бога! Аллах! — и Джулия закрыла глаза.

— Да, Джулия, я мусульманин. Ты выздоровеешь. Ты не можешь умереть.

Джулия не отвечала.

— Ты поступишь в университет. Мы будем учиться там вместе.

Джулия лежала без движения.

— Мы вместе будем ходить на лекции, в библиотеку...

Судорога пробежала по телу Джулии.

Пришла медсестра. Проверила пульс Джулии, и её лицо изменилось. Она подбежала к столику с телефоном. Вызвала врача.

Насир обомлел, застыл. Его вывели из палаты.

— Нет! Нет! Она не может умереть! Она должна жить!

В коридоре его стали обнимать отец, Зарахара, Сурьяти, Залеха.

Немного спустя вышел врач, посмотрел на собравшихся и покачал головой.

И рыдания возобновились снова.

Насир бился головой об стену. Затем его обессиленное тело сползло вниз и застыло в изнеможении на полу.

В тот день в палате Джулии
произошло чудо.

Рахимидин Захари (*Rahimudin Zahari*) (р. 1968) — малайзийский поэт. Окончил Университет наук Малайзии по программе литературного творчества. Награды: первая премия на конкурсе стихов Совета по языку и литературе Малайзии (1986), премия лучшему молодому писателю Эссо-Гапена (1991), национальная премия конкурса Шападу-Гапена (1992), национальная премия Эссо-Гапена (1995), премия «Ислам Даруль-Имам III» (1997). Участник Второй конференции писателей АСЕАН на Филиппинах и фестиваля «Истикляль II» в Индонезии, представитель Малайзии на Международном празднике поэзии «Куала-Лумпур 2002». Основные сборники: «Горсть земли» (1995), «В саду на экваторе» (2005). На русск. яз. Сборник «Замок из песка» (М.: Ключ-С, 2007).

ШАМАН ПАК ДА МЕГАТ (PAK DA MEGAT WAN SETARA MEK MAH TUK BAGIH¹)

Все от мала до велика в Паланг-Ромбакане знают шамана Пак Да Мегата. И не только здесь: жители ближайших деревень Мелур, Паух-Лима, Букит-Марак, Перингат, Пасир-Тумбух и других, расположенных в округе, тоже понаслышаны о нем.

¹ Переводчик сократил имя шамана с разрешения автора.

Знания и мастерство Пак Да Мегата как шамана бесспорны. Вместе со своим помощником Пак Су он шаманит вот уже тридцать лет. И никто из других шаманов не может сравниться с их способностью исцелять недуги.

Шаманские приемы Пак Да Мегата и Пак Су особенные и быстро дают результаты. Им для этого не требуется двух или трёх дней, как другим шаманам. Собственно говоря, для камлания достаточно одной ночи. Любая хворь, обосновавшаяся в теле человека, изгоняется и исчезает навеки. Как только Пак Да Мегат и Пак Су разбрасывают листья и цветы арековой пальмы¹, а также листья других чудодейственных растений, так сразу все земные и неземные духи разбегаются, а вместе с ними и болезни.

Больной, несколько дней, а то и месяцев пролежавший на соломенной циновке, после вмешательства Пак Да Мегата и Пак Су встаёт на ноги и начинает танцевать. От одних ударов в медные тарелки волосы у родственников, молодых и старых, дальних или близких, а также соседей, пришедших посмотреть на камлание Пак Да Мегата и Пак Су, встают дыбом.

В этот день Пак Да Мегат встал очень рано. После утренней молитвы он сидел на пороге и смотрел на улицу, разглаживая свой изношенный саронг. Его старое тело прикрывала белая тонкая майка марки «румах тингги».

¹ *Арековая пальма* (*Areca catechu* L.) — гонкос, стройное дерево высотой до 20 м с кроной из 8 — 10 перистых листьев длиной до 2 м. Семена красновато-желтого цвета, содержащие арсколин и другие алколоиды, входят в состав бетелевой жвачки. Упоминаются в «Кама-сутре». Применяются также в медицине и ветеринарии. Листья считаются эффективным средством против злых духов. Остров Пинанг в Малайзии назван по имени этого дерева. Незрелый плод пинанга — символ нетерпеливого свата, расколотый надвое — символ верности и родства душ (пословица: как расколотый надвое орех арековой пальмы). Орех пальмы является обязательным ингредиентом смеси для жевания бетеля, угощение которой непременно происходит во время сватовства. Часто упоминается в пантунах:

Пальму арековую свалили,
Листья соломинкой обрубают.
Кого-то горжественно обручили, —
Пальбу услышав, дракон издыхает.
(перевод А. Жовтиса)

У тямов распространен миф о происхождении правителя из соцветия арековой пальмы.

Его седая голова, напоминавшая поле белых цветов, ощущала прохладу раннего утра. На его левом плече висел сложенный вдвое цветастый батиковый каин¹.

Пак Да Мегат тихонько коснулся небольшого барабана, находившегося у его колен (вернее на бедре левой ноги). Он ударил несколько раз, и печальная мелодия отозвалась эхом в его ушах. Затем его рука нашла флейту, лежавшую в углу комнаты. Он вытер пыль с этой прекрасной резной флейты. Затем глубоко вздохнул и медленно приложил конец флейты к своим губам. Его пальцы проворно пробежали по отверстиям. Ах, звук получился фальшивым. Его уши сразу услышали, что с флейтой что-то неладно. Вероятно, сместился язычок.

— Ах, — вздохнул он.

Затем печально посмотрел на красивый ребаб², прислонённый к стене слева от него. Он взял его в руки и несколько раз провел рукой по струнам. Звук получился напряжённый и очень грустный.

— Отец, я не сумел перенять у тебя талант искусного кукловода. Я смог лишь научиться у тебя шаманству. Да и этому скоро придет конец. Ведь у меня нет сына, только дочь. — Пак Да Мегат погрузился в меланхолию.

— Да, я не сумел!

В углу его старого дома с оцинкованной крышей лежали куклы ваянга. Сваленные кучей. Их было много, в том числе Сери Рама, Сити Деви, Пак Догол, Вак Лонг и другие персонажи как знатного происхождения, так и простолюдины³. Они валялись

¹ *Каин* — прямоугольный кусок ткани (примерно 2х1 м), несшитый или сшитый своими широкими краями, который надевают на себя (подворачивая в поясе) как женщины, так и мужчины. Несшитый каин обергивается вокруг бедер в виде длинной юбки со складками впереди (у мужчин складки крупные). Мужчины обычно носят каин в сочетании с рубашкой (нередко поверх брюк), а женщины с блузкой баджу кебая.

² *Ребаб* — струнный смычковый инструмент с длинной шейкой-шпилем. Корпус деревянный с мембраной из бычьего пузыря. Имеет одну-три струны из конского волоса и лукообразный смычок. Пришел в регион из Ближнего и Среднего Востока. Используется в музыкальном сопровождении различных традиционных представлений

³ *Сери Рама, Сити Деви* — персонажи представления ваянга, основанного на эпосе «Рамаяна». Пак Догол, Вак Лонг — персонажи-простолюдины. Первый — смешной и глуповатый, второй — рассудительный.

кучей и мирно спали, вероятно ожидая того благостного момента, когда боги сказочной страны вдохнут в них жизнь.

На сердце Пак Да Мегата была боль, как будто его пронзили тысячи иголок меланхолии. Солому на полях уже сожгли и только виднедасть оставленная рисовая стерня, которая догниёт и позднее превратится в удобрение. В деревне было тихо и спокойно.

Ни звука. Теперь по ночам в деревне не слышно ни голоса флейты, ни звуков барабана. Не слышно нежного голоса Сери Рамы, ни отрывистых выкриков Ханумана¹, который смело сражался с врагами на полях мифического царства. Ночи стали тихими и оставляли вкус сухости.

На этот раз на глазах Пак Да Мегата выступили слёзы. Его лицо исказилось и стало некрасивым.

— Да, отец, это правда. Никто больше не даёт представлений ваянга в нашей семье.

Лицо его покойного отца кукловода Чила Вела Джебенга уступило в воображении место покойному дедушке Вану Бедодаху, тоже кукловоду.

Эти два человека всегда в его памяти. Два великих имени в истории ваянга последних поколений. Он тоже происходит из этой знаменитой семьи. Знаменитой не только в этих краях, но и далеко за их пределами: в Тренггану, Кедахе, Голоке, Такбайсе, Наре, Патани².

Даже во время конфронтации с сиамской труппой меноры³ в Бангнаре покойный дедушка Ван Бедодах, разъяренный на-

¹ *Хануман* — персонаж «Рамаяны». Хитроумная и бесстрашная обезьяна, оказавшая Раме неоценимые услуги в войне с царем великанов Раваной. По некоторым пеканоническим версиям «Рамаяны», в частности, по малайской письменной версии, Рама зачал Ханумана после того, как они с Ситой, купавшись в заколдованном пруду, превратились в обезьян.

² *Патани* — общее название территорий на Юге Таиланда (Патани, Яла, Сагун, Наратхиват), где проживает малайское население.

³ *Менора* — вид танцевально-драматического представления в Малайзии с ярко выраженным тайландским колоритом. Распространен преимущественно в штате Кеантан. Все роли, включая женские, исполняются мужчинами. Характерным для жанра являются медленные ритмические движения, сложная игра пальцев рук, наличие гротескных масок. В репертуаре сюжеты на мотив местных и тайландских легенд.

хальным поведением этой труппы, не дававшей ему выступить с предствлением ваянга, проявил себя очень достойно.

Кожаная кукла, избравшая Пака Догола и до того покоившаяся на стволе банана¹, вдруг ожила в руках Вана Бедодаха и попросила у публики разрешения сказать несколько слов.

— Братья и сёстры, потеснитесь, дайте и мне посмотреть менору.

И в этот момент все актёры из труппы моноры забыли о своих амбициях. Они склонили колени перед Ваном Бедодахом и просили у него прощенья.

Да, Пак Да Мегат был из семьи кукловодов. Но, к несчастью, у него была неважная память и он плохо запоминал тексты представлений ваянга. Что касается пра-прадедушки кукловода Вана Ахмата Бунута, то он скончался, когда Пак Да Мегат был ещё младенцем и только начинал учиться ходить. Поэтому Пак Да Мегат не помнил его и только слышал об этом «Короле кукловодов» от бабушки и отца.

Нельзя сказать, что Пак Да Мегат не пытался вести представления ваянга. Он пытался, когда еще был жив дедушка, который постоянно брал его с собой на все свои представления. Но просто у Пака Да Мегата не было к этому способностей.

Пак Да Мегат мог только играть на флейте и барабане. Голос у него был грубым, и он не умел смягчить его. Покойный дедушка даже обрызгивал макушку его головы кислым соком асама², но всё безрезультатно. Тем не менее Пак Да Мегат научился шаманскому мастерству и излечивал по ночам жителей деревни от недугов, насылаемых ветром.

— Неужели мои знания шаманских ритуалов также исчезнут, как и традиции представлений ваянга, носителями которых были дедушка и отец? — этот вопрос постоянно преследовал Пака Да Мегата. В своей бесконечной тоске он

¹ *Стол банана* используется кукловодом для размещения на нём кожаных кукол (путём втыкания острого конца куклы).

² *Асам* (тамаринд) — большое вечнозеленое дерево семейства бобовых. Плоды кисло-сладкие, используются для приготовления приправ, в народной медицине (в том числе при простуде).

нет да и нет вспоминал о своей еще незамужней дочери Сити Фазза.

— Сити!

Сити Фазза была единственным ребёнком Пака Да Мегата и Мак Да Мек Ма. Тайно в своей душе он лелеял надежду передать всё своё мастерство и шаманские заклинания дочери.

— Сити, не хочешь ли ты перенять мои сокровенные знания?

Перед разговором с Сити он доверил свои мечты жене Мак Да Мек Ма, но та была просто шокирована.

— Это невозможно. Сити — женщина.

— Тем не менее поговори с ней сначала ты.

— Она училась в университете не для того, чтобы стать шаманкой! Где это было видано, чтобы женщина стала шаманом?

Мак Да Мек Ма не хотела говорить на эту тему с дочерью.

— В своём уме ли мой муж? — спрашивала она себя.

После небольшой паузы он зажёл сигарету, свёрнутую из листа пальмы нипа,¹ и затем сказал:

— Я посылаю её учиться на деньги от шаманского труда.

Мак Да Мек Ма словно окаменела. Она хорошо знала его и хорошо понимала. Если уж он чего-то захочет, то от своего не отступит.

— Ты лучше сам спроси её, — прошептала Мак Да Мек Ма.

Когда он сказал Сити, что от неё хочет, та сначала наотрез отказалась. Но по размышлении согласилась. В конце концов, её отец — не такой, как другие. Тем не менее сомнения не оставляли её.

Сити Фазза стала учить заклинания, исцеляющие людей. Она училась, как разбрасывать жёлтый рис и рис бертих², как

¹ *Nipa* — мангровая пальма (*Nypa fruticans*) — единственная пальма, произрастающая в манграх. Похожа на кокосовую, но не имеет высокого вертикального ствола. Листья зрелых деревьев традиционно используются как кровельный материал, а молодые листья идут на обёртку сигар. Плоды съедобны и считаются десертом.

² *Жёлтый рис* — рис, цвет которому придает курма. Рис бертих — поджаренный на сковородке очищенный рис. И тот, и другой имеют сакральный характер

разбрызгивать сок листьев бетеля¹ и ареки, как использовать в камлании листья и цветы ареки и листья растения семеру. При этом голова её качалась из стороны в сторону, а волосы падали на её лицо. Она повторяла шаманские приёмы раз за разом, следуя указаниям своего отца.

На этот раз Паданг Ромбакан будет просто потрясён! Какая сенсация! Женщина-шаман! Сити Фаэза войдет в историю, ибо никогда до этого не было здесь шамана-женщины. Сити изменит многовековую традицию.

Через семь дней Сити Фаэза закончила освоение шаманского мастерства под руководством своего отца.

Но тут однажды ночью, влажной от росы и тёмной от облаков, закрывших едва светившую луну, её отец Пак Да Мегат громко застонал во сне. Стон был ужасный. Этот стон и сильный ветер разбудили Сити Фаэза и Мак Да Мек Ма.

Всё тело Пака Да Мегата было покрыто потом, и он дрожал от лихорадки.

— Сити, это твой первый шанс показать свои знания шаманского дела. Пожалуйста, быстренько почитай заклинания, которым ты научилась у меня.

Мак Да Мек Ма приготовила жёлтый рис, и Сити Фаэза, едва пришедшая в себя ото сна, взяла листья ареки и начала читать шаманские заклинания. Теперь она была не ученица, а настоящий шаман, готовый опробовать на своем отце полученные от него знания, а мать Мак Да Мек Ма выступала в роли ее помощницы.

Сити Фаэза прыгала и мычала как разъяренный гелёнок. Её длинные до пояса волосы были распущены и развевались вслед за движением головы то влево, то вправо. С одним лишь кембаном² на теле она бросала листья и цветы ареки, а также листья семеру и жёлтый рис во все углы дома.

Заклинания, срывавшиеся с губ этой красивой девушки, повторялись её помощницей матерью.

¹ *Бетель*, или бетелевый перец (Piper betle) — вид перечного растения. Ползучий полукустарник. Используется как приправа к различным блюдам, входит в состав бетелесвой жвачки. Из листьев получают бетелевое масло, применяемое в медицине.

² *Кембан* — женская нагрудная повязка.

Было уж ранее утро, когда Сити Фаэза и Мак Да Мек Ма, усталые, прекратили камлание. Но тело Пака Да Мегата продолжало трястись от жара. Сити Фаэза не смогла изгнать земных духов из тела отца. Температура поднималась всё выше и выше.

Сити Фаэза ршила не терять больше времени и отвезти отца в больницу. Хотя он всегда ненавидел врачей, на этот раз её решение было непреклонным. Она попросила соседей отвезти его в больницу на машине.

В больнице Пак Да Мегат лежал с широко раскрытыми глазами. Температура не желала спадать и продолжала терзать его тело. Сити Фаэза несколько раз меняла мокрое полотенце на его лбу. И когда медсестра установила капельницу, чтобы влить в его ногу лекарство, Сити Фаэза решила узнать, что же это за болезнь свалила её отца.

— Доктор, что собственно говоря, случилось с моим отцом? — спросила она робко врача, стоявшего у кровати больного.

— У твоего отца тифоидная лихорадка. Счастьс, что вы привезли его вовремя.

Сити Фаэза была поражена. О, Аллах! Разве можно излечить тиф шаманскими ритуалами и заклинаниями? Она посмотрела на отца, тихо лежавшего в кровати, потом на лицо матери, стоявшей с опущенной головой. Её глаза были красными и мокрыми от слёз, и она понятия не имела, что такое тифозная лихорадка.

ИНДОНЕЗИЯ

Данарто

Данарто (Danarto) (р. 1940) — индонезийский новеллист. Известен также как режиссер-постановщик пьес современных индонезийских драматургов. Наиболее известные сборники: «Армагеддон» (1968), «Ностальгия» (1971), «Адам Макрифат» (1982). Один из инициаторов модного направления в искусстве, соединяющего живопись и поэзию (например, чтение стихов на эскалаторе при открытии художественной выставки в мае 2000).

ВЫШЕ НЕБА И ЗЕМЛИ (DI ATAS BUMI DI ATAS LANGIT)

- Дядя доктор хочет разбудить маму?
- Нет, — ответил человек. — Я ангел.
- Ангел? А что это такое? — спросила Рини.
- Ангел — это существо, у которого дом на небе.
- Я тоже хочу дом на небе.
- Чтобы летать в небе, надо иметь крылья.
- Дай мне крылья, я тоже хочу полстеть в небо.
- Крылья может дать только Бог.
- Бог? Кто он?

- Бог — это тот, кто всё создает.
- Всё-всё? И меня он создал?
- Да.
- Как делают стул?
- Да.
- Я хочу попросить у Бога крылья.
- Ты еще очень маленькая. Подожди, когда станешь большой.
- Я хочу встретиться с Богом и попросить у него крылья.
- Бог очень далеко.
- Где?
- Там, — сказал ангел и показал на небо.
- Его не видно, да?
- Да, не видно.
- Давай полетим туда!
- Как-нибудь потом.
- Когда?
- В выходной день.
- Сегодня воскресенье — выходной.
- В воскресенье нельзя.
- Тогда в любой другой, можно пропустить занятия.
- Учитель будет сердиться.
- Учитель сам часто пропускает уроки.
- Но ученик не должен пропускать уроки.
- Почему?
- Если будешь пропускать уроки, то останешься глупой.
- Я стараюсь-стараюсь, но остаюсь глупой.
- Да?
- Да, в табеле одни двойки и мама сердится.
- Ну, конечно она сердится.
- Но я не боюсь.
- Ты должна слушаться свою маму.
- Почему?
- Потому что мама растит тебя.
- Я расту сама по себе.
- А кормит тебя кто?
- Мама.
- Ну вот видишь. Ты должна сказать ей спасибо.
- Спасибо.

- Ну, вот теперь ты хорошая девочка.
- Дядя, а зачем ты пришел сюда? Ты знаешь маму?
- Я не знаю твою маму. Я пришел забрать ее на небо.
- Ура! — закричала Рири, прыгая от радости. — Я тоже хочу полететь на небо.
- Тебе нельзя.
- Почему?
- Небо очень высокос. У тебя закружится голова, когда ты согласишься вниз.
- Но ты можешь взять меня на руки.
- Ты тяжелая. Я не смогу удержать тебя в руках.
- Неправда!
- Ну хорошо, — сказал ангел, беря Рири на руки и взлетая вместе с ней вверх.
- Ура, — закричала Рири, радуясь, что летит в небо в объятиях ангела.

Ангел несколько раз спикировал, вызвав восторг у девочки. Они облетели парк, потом пролетели над идущими по оживленной дороге автобусами, покружили над озером, где посетители крутили педали водных велосипедов и катались на американских горках, крича от восторга в момент, когда устремлялись с верхней точки вниз. Сердце Рири бешено колотилось. Ей было страшно. Ей было удивительно. Она крепко вцепилась пальцами в крылья ангела. Она не могла видеть его лицо, закрытое капюшоном. Рири попробовала пощупать капюшон, но под ним было пусто. Сердце Рири бешено колотилось. Ей было страшно. Ей было удивительно. Она не знала, почему под капюшоном нет носа, который она могла бы схватить, нет щек, которые она могла бы ущипнуть и нет ушей, которые она могла бы потрепать.

— Я сержусь на маму. Она только и знает, что спит, — сказала Рири, потягивая сок авокадо в кафе “Миллениум” в парке отдыха Сенаян в Южной Джакарте, после того как закончила есть пиццу.

- Это не потому, что мама ленивая, — сказал ангел. — Твоя мама больна.
- Но почему она спит так долго?
- Потому что болезнь тяжелая.
- А ты можешь ее вылечить?

— Ее уже вылечить нельзя.

Рири, обучающаяся в детском саду в Кеманге, снова вернулась к своему соку, устроившись поудобнее. Ангел, сидевший напротив, иногда был виден явственно, а иногда исчезал, сдуваемый ветром. Вдруг Рири крикнула проходившей мимо женщине: “Тетя Индри! Тетя Индри!”

— Привет, Рири, — ответила женщина, которую Рири назвала тетей Индри. — Ты с кем?

— С дядей.

— С дядей? Каким дядей? Где он?

— Здесь, — ответила Рири и показала на ангела, который вдруг возник из ниоткуда прямо напротив девочки.

Ангел на этот раз выглядел, как обычный человек. Он кивнул тете Индри, которая тоже приветствовала его кивком головы. Рири, казалось, была довольна встречей с этой женщиной, которая, держа на руках полуторагодовалую дочку, продолжила прогулку вокруг озера.

Парк отдыха Сенаян был любимым местом и жителей Джакарты, и туристов. В воскресенье народу было особенно много. Одни целыми семьями катались на водных велосипедах. Другие предпочитали рестораны быстрого питания. Третьи — любители американских горок — устремлялись к аттракциону обычно парами. Чгобы, наверно, не было страшно в одиночку. Были и такие, которые катались в мини-автобусах, которые регулярно курсировали по парку. Но большинство просто прогуливались, наступая друг другу на ноги. Привлекали посетителей и песни, которые звучали с открытой площадки под названием “Веселая эстрада”, как будто грустных песен не существует.

— Я часто прихожу сюда с мамой. А ты? — спросила Рири, попросив еще одну порцию сока авокада.

— Иногда.

— А с кем ты приходишь?

— С племянницей такого же возраста, как и ты.

— Познакомь меня с ней.

— Конечно, если как-нибудь случайно встретимся.

Затем ангел создал женщину с девочкой в возрасте Рири, которые как бы случайно проходили мимо кафе. Он поднялся с места и представил их Рири.

— Ну вот, твое желание и исполнилось, — сказал ангел. — Познакомься, это тетя Эффа, а это ее дочь Йоланда.

— Привет тетя Эффа и Йоланда. Я — Рири, — приветствовала их радостно Рири, пожимая обеим руки.

— Как поживаешь, Рири? — в один голос спросили женщина и ее дочка.

— У меня все хорошо. Вот только мама болеет. Дядя говорит, что она уже не поправится. Хотите соку? Я угощаю.

— Нет, спасибо, Рири. Нам надо найти папу Йоланды, который где-то гуляет здесь с Эммануэлой.

Вернувшись во дворик дома, ангел мягко приземлился. С радостной улыбкой, играющей на лице, Рири повела его в дом. В спальне на кровати лежала ее мать, рядом стояли отец, брат и сестра, другие родственники.

— Мама, мама! — закричала Рири, обхватив руками грудь матери. — Я летала вместе с дядей! Я летала вместе с дядей!

— Да, да — отвечала мать, не вставая. — Я видела, как ты летала с дядей.

— Мама, а ты хочешь полететь на небо с ним?

— Да, да. Я хочу полететь сегодня на небо, — ответила мать.

Вдруг отец Рири обнял мать и заплакал. Брат и сестра, другие родственники тоже не скрывали слез. Рири не понимала, почему люди плачут. Она потрясла отца за плечи.

— Зачем ты плачешь? — спросила Рири.

В комнате стало тихо. Пространство и время окутала печаль. Когда лицо матери Рири стало спокойным и прекрасным, ангел потянул ее за руку и взлетел с ней в небо.

— Ура! Мама полетела на небо, — закричала Рири во дворике, запрокинув голову вверх. — Я тоже хочу! Я тоже хочу!

Поскольку на ее призыв никто не откликнулся — ни мама, ни ангел, несший ее в небеса, — Рири заплакала. Она свернулась калачиком прямо на земле, не обращая внимания на то, что испачкала платье.

Вечером на кладбище Рири плакала над могилой матери и не хотела уходить домой. Она обняла холмик земли, как будто это была ее мать. Отец подумал, что зря взял девочку на кладбище. Он вынужден был оторвать ее от земли и взять на руки, так как она кричала и отбивалась от него, не желая

расставаться с матерью. В машине Рири продолжала плакать и бить кулачками отца.

Через день в сопровождении няни Рири снова была на кладбище и снова обнимала холмик могилы матери. — Ты плохая! Ты обманула меня! — кричала Рири, иступленно стуча кулаками по земле. — Ты бросила меня! Ты бросила меня!

Когда няня сказала, что пора возвращаться, Рири отказалась и стала сердито бросать в нее землей. Потом она, однако, устала и заснула прямо на могиле. Няня взяла ее на руки и отнесла домой.

В последующие дни Рири постоянно заставляла няню отводить ее на кладбище. Она лежала на могиле, покрытой высохшими цветами, и без конца плакала. Однажды няня от жары заснула, положив голову на надгробную плиту. Заревавшая Рири вдруг почувствовала что ее тело кто-то приподнимает. Она повернулась и увидела, что это ангел. Рири сначала удивилась, а потом сердито стала бить его руками и кричать:

— Ты плохой! Ты плохой! Ты не унес маму на небо! Ты зарыл ее в землю!

— Твоя мама на небе, — ответил ангел.

— Неправда!

— Ты должна мне верить.

— Неправда!

Ангел быстро разрыл могилу. Девочка с бышимся сердцем ждала мгновения, когда увидит там тело матери. Но могила была пуста. Рири была в смятении.

— Видишь, мама твоя на небе, — сказал ангел, показывая вверх.

— Мама! Мама! — радостно закричала Рири, когда, запрокинув голову, увидела там мать в зеленом шелковом платье. Та махала ей рукой.

— Я хочу к тебе! Я хочу к тебе, мама! — кричала девочка, помахивая ей в ответ рукой.

Ангел подхватил Рири и понес ее в небо навстречу матери.

Маленькая девочка больше не хотела расставаться с матерью ни на минуту. Взявшись за руки, они гуляли среди облаков в красиво развевающихся зеленых шелковых платьях.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Виктор Погадаев)	5
Prakata (Victor Pogadaev)	8

МАЛАЙЗИЯ

После войны (Sesudah Perang) <i>Анвар Ридван (Anwar Ridhwan)</i>	11
Рыжуха (Merah) <i>Рахман Хаджи Юсуф (Rahman Haji Yusof)</i>	22
Малайская кровь (Darah Melayu) <i>Ирван Абу Бакар (Irwan Abu Bakar)</i>	29
Жертва (Korban) <i>Абдул Рахман Че Мат (Abdul Rahman Che Mat)</i>	36
Шаман Пак Да Мегат (Pak Da Megat Wan Setapa Mek Mah Tuk Bagih) <i>Рахимидин Захари (Rahimidin Zahari)</i>	45

ИНДОНЕЗИЯ

Выше неба и земли (Di Atas Bumi di Atas Langit) <i>Данарто (Danarto)</i>	53
---	----

МАЛАЙСКАЯ КРОВЬ

Харди (1951—) (**Hardi**) (*псевд., наст. имя R. Soehardi*) — индонезийский художник, представитель направления «Новая живопись» (*Seni Rupa Baru*). В 1971—1974 гг. учился в Академии изобразительных искусств Индонезии (*Akademi Seni Rupa Indonesia*) в Джокьякарте, в 1975—1977 гг. — в Академии Ян ван Эйка в Маастрихте (Нидерланды). Там же состоялась первая персональная выставка (1976). В 1978 г. был арестован за фотоколлаж, изображавший художника в генеральской форме с подписью «Президент 2001 года. Сухарди». Освобожден в результате заступничества вице-президента Адама Малика (*Malik, Adam*), любителя искусства. Провел 16 персональных выставок (первая в 1976 г.). С 2009 г. — активный член рабочего комитета Конгресса культуры Индонезии. В 2002 г. награжден премией «Пермата» (Драгоценность).

Подписано в печать 03.06.2011.
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 1,875
Тираж 300 экз. Заказ № 150

Издательский дом «Ключ-С»
123104, Москва, Тверской б-р, 13/1
Тел./факс (495) 660-66-21

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ»
Москва, 5-я Кабельная ул., 2а

